

БИБЛИОГРАФИЯ

**Невский альманах на 1830 год,
изданный Е. Аладьиным.—
С.П.б., в типогр. вдовы Плюшар, 1830
(486 стр. в 16-ю долю и 22 стр. нот.)¹⁹.**

“Невский альманах” издается уже 6-й год и видимо улучшается. Нынче явился он безо всяких излишних притязаний на наружную щеголеватость; издатель в сем случае поступил благоразумно, и альманах нимало от того не по

172

терпел. Три письма князя Меншикова, в нем помещенные, любопытны как памятники исторические²⁰. “Сказки о кладах” суть лучшее из произведений Байского, донныне известных²¹. Стихотворную часть украшает Языков²².

С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что донныне почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла²³.

**История русского
народа, сочинение
Николая Полевого, и пр.²⁴**

СТАТЬЯ II.

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете.

Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта²⁵ и Тьерри²⁶ и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита²⁷. Пленяясь романтической живостью истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана “История русского народа”, на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частых его заимствований у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия “Истории государства Российского”, так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

“История русского народа” начинается живым географическим изображением Скандинавии и нравов диких ее обитателей (подражание Тьерри); но,

переходя к описанию стран, Россияю ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия. Он или повторяет сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиным, или касается предметов, вовсе чуждых истории русского народа, и, утомляя внимание читателя, говорит поминутно: “Итак, мы видим... Из сего следует... Мы в нескольких словах означили главные черты великой картины...”, между тем как мы ничего не видим, как из этого ничего не следует и как г-н Полевой в весьма многих словах означил не главные черты великой картины.

Желание противоречить Карамзину поминутно увлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частью несправедливые. Он то соглашается с Татищевым²⁸, то ссылается на Розенкампа²⁹, то убедительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского³⁰. Признав уже достоверность похода к Царю-граду, он сомневается, имели Олег с собою сухопутное войско³¹. “Где могли пройти его дружины,— говорит г-н П.,— не чрез Булгарию по крайней мере”. Почему же нет? какая тут физическая невозможность? Оспоривая у Карамзина смысл выражения: *на ключ*, он пускается в догадки, ни на чем не основанные. Быть может, и Карамзин ошибся в применении своей догадки: ключ (символ хозяйства), как котел у казаков, означал, вероятно, общее хозяйство, артель*. В древнем договоре Карамзин читает: *милым ближникам*, ссылаясь на сгоревший Троицкий список³². Г-н П., признавая, что в других списках поставлено (*ad libita librarii*) *милым* и *малым*, подчеркивает, однако ж, слово

---

* Стряпчий с ключом ведал хозяйственною частию Двора. В Малороссии *ключевать* значит *управлять хозяйством*.

сгоревший, читает *малым* (малолетним, младшим) и переводит: *дальним* (дальним ближним!). Не говорим уже о довольно смешном противоречии; но что за мысль отдавать наследство дальним родственникам мимо ближайших?

Первый том “Истории русского народа” писан с удивительной опрометчивостью. Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава, что песнопения скальда³³ воспаляли его, что религия усиливала в нем врожденную склонность к независимости и презрению смерти (склонность к презрению смерти!), что он гордился названием *Берсеркера*³⁴, и пр.; а чрез три страницы г-н Полевой уверяет, что не слава вела его в битвы; что он ее не знал, что недостаток пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походов. Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое³⁵, а у Владимира стремление к единовластию³⁶. В уделах г-н П. видит то образ восточного самодержавия, то феодальную систему, общую тогда в Европе. Промахи, указанные в “Московском вестнике”, почти невероятны.

Г-н П. в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее; он говорит о нем почти с презрением.

*Maitre renard, peut-etre on vous croirait...*³⁷

По крайней мере слог есть самая слабая сторона “Истории русского народа”. Невозможно отвергать у г-на Полевого

ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова — все обезображено, перепутано и затемнено.

Р. С. Сказав откровенно наш образ мыслей насчет “Истории русского народа”, не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статья*, в коей брань доведена до исступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания, кроме ссылки на мнение самого издателя, мнение весьма любопытное, коему доказательства с нетерпением должны ожидать любители отечественной истории³⁸. “Московский вестник” ...(& tu autem, Brute!³⁹) сказал свое мнение насчет г-на П. еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, непростительнейшим, ибо издатель “Моск. Вестника”⁴⁰ доказал, что чувство приличия ему сродно и что, следственно, он добровольно пренебрегает оным. Ужели так трудно нашей братье критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить, по крайней мере, совета старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не так бы молвил.⁴¹

---

* Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле пойдут в пример галиматьи; но и самый текст почти от них не отличается.